
ЭТЮД

Иван Рабобык

Этюд

«Автор»
2026

Рабобык И.

Этюд / И. Рабобык — «Автор», 2026

Пятеро друзей отправились в долгожданное путешествие, надеясь на приключения и отдых. Но судьба распорядилась иначе: их машина глохнет посреди глухого леса, вынуждая компанию искать убежище в величественном, пугающем особняке, скрытом от посторонних глаз

© Рабобык И., 2026
© Автор, 2026

Иван Рабобык
Этюд

ПРОЛОГ. Дорога в никуда

Фургон катил по главному шоссе уже третий час. За окнами монотонно, словно заезженная пленка старого фильма, проносились бесконечные изумрудные холмы и густые полосы векового хвойного леса, залитые мягким, почти ленивым послеполуденным солнцем. Погода казалась идеальной для загородной поездки, обещая тесные палаточные посиделки у трепещущего костра, долгие разговоры под гитару до рассвета и долгожданную, выстраданную передышку от душного, раскаленного за целую неделю мегаполиса.

На переднем сиденье Макс уверенно и жестко держал руль, изредка бросая короткие, напряженные взгляды на приборную панель. Костяшки его пальцев побелели от слишком сильного хватки. Рядом с ним, широко развернув на коленях шуршащую бумажную дорожную карту, сидела Алиса. Она то и дело изящным, чуть дрожащим пальцем проводила по извилистой красной линии маркера, пытаясь сверить их путь с редкими дорожными указателями.

— Ты абсолютно уверен, что мы правильно едем, Макс? — с легкой, лукавой, но уже чуть натянутой улыбкой спросила она, поднимая на него карие глаза. — Навигатор сдох еще на прошлой заправке, а указателей на этот твой «секретный дикий пляж» я что-то не наблюдаю уже миль сорок. Мы точно не заплутали в этих чертовых соснах?

Макс уверенно хмыкнул, чуть сильнее надавив на педаль газа, отчего старый мотор недовольно взревел:

— Расслабься, Алиса. Я изучал этот маршрут трижды, еще вчера вечером перед сном. Дэвид бил себя в грудь кулаком и утверждал, что это дикое озеро лучше любых раскрученных курортов с их толпами туристов, вот мы и проверим его слова на деле. К тому же, судя по карте, ехать осталось совсем ничего. Час — максимум полтора, и будем на месте.

С заднего ряда тут же донесся самодовольный, раскатистый и полный неиссякаемого оптимизма голос Дэвида:

— Я же говорю, просто доверьтесь профи! Вы бы без меня до сих пор в пробке на кольцевой стояли и парились в душном городе. Через час разобьем лагерь, откроем холодное пиво, и забудете вы про свои дедлайны и городские будни. Софи вон вообще сладко спит, ей поездка только в радость, правда же, малыш?

Софи действительно пыталась дремать, откинув голову на прохладное стекло и устроившись на плече Дэвида. Но под его громкий, хвастливый голос она приоткрыла глаза, тяжело и горько вздохнула и тихонько отодвинулась, уставившись в боковое стекло на проносящиеся мимо мрачнеющие ели. Между ней и Дэвидом уже третий день висело невидимое, но удушающее напряжение — пара постоянно цеплялась по пустякам, и эта поездка задумывалась как отчаянная попытка склеить то, что давно трещало по швам, но пока что трещало только громче. На полу у ее ног валялась пустая жестяная банка из-под газировки, которая противно и звонко позвякивала на каждом крутом повороте, словно отсчитывая секунды до катастрофы.

А в самом хвосте фургона, на одиночном, зажатом со всех сторон сиденье, сидел Лео. Он хранил абсолютное молчание всю дорогу от самого выезда из города. Натянув капюшон чер-

ной хлопковой толстовки глубоко на лоб, скрывая тенью глаза, он безучастно смотрел прямо в затылок Алисе. Его пальцы нервно, с сухим, мерным стуком постукивали по потрепанной обложке блокнота, лежавшего на коленях. Лео чувствовал себя чужим на этом шумном празднике чужих парных отношений, лишней, скрипящей деталью чужого механизма. Но еще острее физической изоляции он ощущал странную, липкую и совершенно иррациональную тревогу, которая холодными тисками сжимала горло изнутри. Ему казалось, что эта дорога ведет вовсе не к живописному озеру, а в какую-то темную, глухую и безвыходную ловушку, приготовленную специально для них.

Тем временем небо над головой стремительно менялось. Яркое солнце, еще пару часов назад щедро заливавшее салон золотым светом, неожиданно скрылось за тяжелыми, свинцовыми тучами. Они наползали с севера огромными, зловещими клубами, похожими на чернила, затягивая горизонт и пожирая последние остатки дневного света. Воздух в салоне вмиг стал тяжелым, плотным, насыщенным запахом сырости, озона и приближающейся грозы.

Первые редкие, но тяжелые, свинцовые капли дождя застучали по лобовому стеклу как раз в тот момент, когда Макс, чертыхнувшись под нос, свернул на узкую второстепенную грунтовку, уходящую вглубь густого, нетронутого леса.

— Опять погода портится, чтоб ее... — недовольно пробормотал Макс, резким движением переключая рычаг стеклоочистителей на быструю скорость. Резинки с неприятным скрипом заскользили по стеклу.

Дождь набирал обороты с пугающей, неестественной быстротой. Из редкой мороси он всего за считанные минуты превратился в сплошной, непроглядный водяной занавес. Земля под колесами тяжелого фургона мгновенно раскисла, превратившись в вязкую, жирную массу. Машину неприятно качнуло, заставив шины потерять спасительное сцепление с дорогой.

— Макс, послушай, может, хватит, развернемся пока не поздно? — тревожно произнесла Софи, проснувшись окончательно и в ужасе вглядываясь в серую, ревущую пелену за окном. — Здесь же ехать абсолютно невозможно, нас просто стянет в кювет!

— Сейчас поглядим, вон впереди по карте должна быть развилка... — сквозь зубы процедил Макс, напряженно вглядываясь в размытую дорогу и вцепившись в руль так, что побелели пальцы.

Но закончить фразу он так и не успел. Из-за крутого, слепого поворота фургон вылетел прямо на заваленный гигантскими упавшими соснами и полностью размытый мощными грязевыми потоками участок дороги. Путь был отрезан наглухо.

Макс резко, до хруста в суставах, ударил по педали тормоза. Тяжелый фургон со страшным, пронзительным металлическим скрежетом заскользил по глине боком. Шины беспомощно взвизгнули, машина съехала с размытой обочины и глубоко увязла носом в грязевой ловушке. Мощный двигатель захлебнулся, заурчал и окончательно заглох, погрузив салон в тишину.

В наступившем гробовом молчании, прерываемом лишь бешеным грохотом ливня по железной крыше, воздух в салоне стал тяжелым.

— Ну что, Дэвид, — тихо, сквозь стиснутые до боли зубы произнес Макс, медленно поворачивая голову к другу. В его глазах полыхала сдерживаемая ярость. — Приехали. Связи нет вообще, вокруг непролазная глушь, а дорога впереди уничтожена наглухо. Что делать будем, великий планировщик?

Дэвид попытался выдавить из себя уверенную, привычную ухмылку, но в темноте салона его лицо выглядело серо-белым.

— Спокойно... Не паникуй на ровном месте. Сейчас все выйдем, подтолкнем задние колеса, делов-то на пять минут...

Но договорить ему помешала сама природа. Небо над ними раскололось от оглушительного, звенящего удара грома, от которого задрожали стекла в рамах. Ледяной, ураганный ветер налетал яростными порывами, и на лес обрушился настоящий тропический ливень, мгновенно превративший мир вокруг в непроглядную, ревущую стену воды.

Салон фургона погрузился во мрак. И в этот самый момент яркая, болезненно-белая вспышка молнии прорезала чащу. На долю секунды сквозь залитое водой оконное стекло, сквозь бушующие потоки ливня, метрах в двухстах вглубь темного, зловещего леса все они увидели жуткие, устремленные в серое небо готические башни старинного особняка.

Окна дома были абсолютно черными и слепыми, но от его монументальных стен веяло таким могильным холодом и такой странной, пугающей притягательной силой, что у всех пятерых одновременно перехватило дыхание, а по спине побежали ледяные мурашки.

ГЛАВА 1. Гости в ночи

Несколько долгих, мучительных секунд в тесном салоне фургона стояла такая зловещая тишина, что было слышно, как отчаянно стучат собственные зубы и как натужно тикает остывающий мотор. Тусклый свет фар выхватывал из непроглядной тьмы лишь сплошную ревущую стену серой воды и переломанные ветки, дико трепещущие на ветру вдоль размытой обочины.

— И что, черт возьми, мы будем делать? — первой нарушила гробовое молчание Софи. Ее голос тонко и жалко дрожал, выдавая панику. Она судорожно обхватила плечи руками, пытаясь укрыться от проникающего сквозь уплотнители дверей ледяного сырого сквозняка. — Сидеть здесь до самого утра? Пока эту чертову машину окончательно не смоет в овраг?

Макс тяжело откинулся на потрепанное сиденье, шумно и устало выдохнув. На его осунувшемся лице читалось глубокое отчаяние, смешанное с глухим, сжигающим изнутри раздражением.

— Мобильная связь не ловит вообще, батарея на исходе, а печка долго не протянет без работающего двигателя. Если мы останемся запертыми здесь, то к утру просто задохнемся от сырости или нас банально парализует от холода. Ты только посмотри на этот уровень грязи — колеса ушли в жижу по самые крылья.

Дэвид, всё еще безуспешно пытающийся напустить на себя маску невозмутимой бравады, нервно потер влажные ладони о джинсы.

— Макс в общем-то прав. К тому же, вы все видели эту жуткую вспышку молнии? Буквально в двух шагах отсюда возвышается огромный, добротный дом. Наверняка там есть живые

люди, стационарный телефон, сухие полотенца или хотя бы растопленный камин. Переждем эту непогоду под крышей, а с утра уже вернемся к машине и решим вопрос с эвакуатором.

— Ты серьезно предлагаешь нам пойти в этот мрачный склеп посреди глухого леса? — тихо, но жестко подал голос Лео. Он наконец откинул с головы капюшон толстовки, и его бледное, резкое лицо отчетливо выделилось в наступившем полумраке салона. Голос Лео звучал пугающе спокойно, но в каждой его нотке сквозила такая ледяная уверенность, что все невольно повернулись к нему. — Вы вообще видели этот особняк? От его стен даже отсюда за милю несет могильным холодом и какой-то древней, чужеродной тоской.

Алиса судорожно поежилась, сильнее вжавшись в сиденье и спрятав ладони в рукава свитера.

— Лео тысячу раз прав, ребят... Но оставаться здесь, в этой консервной банке под обвалом — тоже чистое безумие. Мне кажется... черт, мне кажется, у нас просто не осталось никакого выбора.

Словно в издевательское подтверждение ее слов, приборная панель фургона издала последний жалкий хрип, мискликнула тусклым огоньком и окончательно погасла. Аккумулятор сдох окончательно. Салон погрузился в абсолютную, удушливую темноту, освещаемую лишь редкими, рваными вспышками далеких грозовых разрядов.

Выхода не было.

Макс глухо чертыхнулся, нашарил в бардачке старый пластиковый фонарик, который выдал лишь слабое, дрожащее желтое пятно света, и с усилием потянул за ручку тяжелой двери.

Вывалиться из тепла машины под проливной ливень было все равно что шагнуть в ледяную, бурлящую горную реку. Ледяная вода за долю секунды промочила плотную ткань одежды насквозь, неприятно прилепив ее к дрожащему телу. Неистовый ветер свистел в кронах вековых сосен, срывая с них обломанные сучья и швыряя их вниз.

Дэвид крепко взял за руку Софи, которая тут же поскользнулась в скользкой грязи, едва успев выставить ногу из фургона. Макс шел впереди всех, судорожно выхватывая лучом фонарика коварные кочки и ухабы на узкой лесной тропе. Алиса шла сразу за ним, вцепившись пальцами в край его куртки, боясь отстать ни на шаг, а замыкал эту мрачную процессию Лео, который каждые несколько секунд оборачивался назад — ему казалось, что из непроглядной черноты чащи за их спинами кто-то неотрывно следит.

Они продирались сквозь плотные заросли кустарника и вязкую жижу минут десять, казавшиеся вечностью, пока перед ними не выросла массивная, увитая ржавчиной ограда из тяжелого кованого железа. Высокие ворота были распахнуты настежь, словно чья-то невидимая рука заранее приготовила их для непрошеных гостей.

За изгородью возвышался сам особняк. Вблизи, сквозь пелену ливня, он производил еще более угнетающее, монументальное впечатление: мрачная викторианская архитектура, острые шпили башен, стрельчатые окна с темными стеклами и заросшие черным плющом фасады. Тяжелая дубовая парадная дверь была украшена массивным бронзовым кольцом в виде оскаленной звериной морды. Ни единого живого огонька не мерцало в окнах, но от стен исходило

такое плотное, осязаемое ощущение чужого присутствия, будто здание сканировало их сотен невидимых, холодных глаз.

Макс с трудом поднялся по мокрым каменным ступеням, тяжело и прерывисто дыша, и трижды громко ударил тяжелым кольцом о металлическую пластину. Густой, металлический звук эхом прокатился по ночному лесу, замирая где-то под самой крышей дома.

Они замерли в ожидании, переминаясь с промозглых ног на ногу и отчаянно дрожа от пронизывающего холода. Дэвид уже открыл рот, собираясь выругаться и предложить дернуть кованую ручку на себя, как вдруг изнутри донесся громкий, сухой щелчок внутреннего механизма.

Тяжелая дверь бесшумно, словно смазанная маслом, приоткрылась сама собой.

В темном проеме показался высокий, сутулый мужчина преклонного возраста. Он был одет в безупречно отутюженный черный костюм-тройку старого кроя, а его серебристые волосы аккуратно и гладко зачесаны назад. Бледное, лишенное каких-либо эмоций лицо мужчины больше походило на маску из воска. В правой руке он держал массивный латунный подсвечник с оплавленной восковой свечой, хотя изнутри холла лился яркий, теплый электрический свет.

— Доброй ночи, уставшие путешественники, — произнес дворецкий абсолютно ровным, безжизненным голосом, от которого у Софи по спине побежали крупные мурашки. — Хозяин ждал именно вас. Прошу, заходите в дом.

Холодный, пробирающий до костей воздух улицы резко сменился густым, неподвижным теплом огромного особняка. Это тепло, впрочем, не несло с собой уюта — оно было тяжелым, затхлым, густо замешанным на запахах вековой пыли, скипидара, топчанного воска и едва уловимом, металлическим привкусом застарелой сырости.

Пятерка замерла в просторном холле, сбившись в тесную кучку, словно испуганное стадо овец. Возвращаться под яростный рев ледяного ливня не хотел никто, но и находиться здесь, в пасти мрачного готического здания, было физически больно. С их промокшей одежды на безупречно чистый, блестящий мрамор пола безостановочно капала грязная дождевая вода, образуя неряшливые лужи. Никто не решался сделать лишний шаг.

Дворецкий — Арчибальд, как он представился ранее — молча, с механической точностью вырос перед ними. Не говоря ни слова, он начал неторопливо забирать у них промокшие куртки. Его движения были пугающе плавными, бесшумными, лишенными любой человеческой суеты. Когда он забирал куртку у Софи, его холодные, сухие пальцы на секунду случайно коснулись ее запястья. Софи вздрогнула от неожиданности, ощутив кожу старика — она была ледяной, словно у мертвеца. Арчибальд даже не извинился; его пустые, выцветшие глаза на мгновение задержались на ее лице, изучая ее с таким безэмоциональным любопытством, от которого у девушки внутри всё сжалось от липкого страха.

— Проходите глубже, не задерживайте сквозняк, — произнес дворецкий тем же мертвым, монотонным голосом. — Хозяин уже уведомлен о вашем визите. Он ждет.

Они двинулись по бесконечным коридорам первого этажа. Шаги гулко отражались от высоких сводчатых потолков, создавая неприятный, зловещий резонанс. Стены коридора были затянуты темными гобеленами с выцветшими сценами охоты, а между ними висели ряды портретов в массивных золоченых рамах. С полотен на непрошеных гостей смотрели суровые, чопорные предки семьи Вейл. Куда бы ни смещался взгляд, нарисованные глаза следовали за ними, изучая, оценивая и словно предвкушая что-то неприятное.

Макс шел впереди, нервно кусая губы и то и дело пытаясь поймать хоть какую-то сеть на разбитом смартфоне — экран неизменно показывал перечеркнутый крестик. Дэвид шел рядом с Софи, но его привычная развязная бравада куда-то испарилась: он молча смотрел под ноги, тяжело сглотнув. Алиса шла чуть позади, обхватив себя руками и ежась от сквозняков, гуляющих по углам. А замыкавший шествие Лео то и дело оборачивался назад, всматриваясь в кромешную темноту коридоров, откуда до них доносился лишь монотонный шум дождя за толстыми стенами.

Наконец Арчибальд остановился перед массивными двустворчатыми дубовыми дверями, украшенными сложной резьбой. Дворецкий не постучал — он просто медленно надавил на створки, и те бесшумно распахнулись, открывая взору гостей огромный обеденный зал.

В центре комнаты стоял длинный стол из темного дерева, сервированный на пять персон. На нем мерцали десятки высоких восковых свечей в серебряных подсвечниках, отбрасывая длинные, пляшущие тени на стены. Стол ломился от еды: запеченное мясо, источающее пряный аромат, блюда с фруктами, хрустящий хлеб и массивные графины с темно-красным вином, напоминающим свежую кровь.

Но внимание привлек не стол.

У огромного каменного камина, где весело и жарко потрескивали сухие поленья, стоял человек. Он был спиной к вошедшим, держа в руках тонкую кисть и вглядываясь в большой холст, скрытый от глаз гостей высокой рамой.

Услышав скрип открывающейся двери, хозяин дома неторопливо обернулся.

На вид ему было около пятидесяти. Седые волосы падали на высокий лоб прядями, лицо пересекали глубокие морщины, а глаза горели лихорадочным, пронзительным, пугающе осмысленным блеском. Но больше всего поражали его руки: длинные пальцы, запястья и даже манжеты белоснежной рубашки были щедро, по-хулигански испачканы несмываемыми мазками масляной краски — густой алой, мертвенно-синей и смоляно-черной.

Это был Виктор Вейл. Он медленно опустил кисть, вытирая испачканные пальцы о грязную, жесткую тряпку, засунутую за пояс брюк, и одарил замерших на пороге гостей широкой, жутковатой улыбкой.

Пока Виктор Вейл вытирал руки о грязную тряпку, гости наконец смогли оглядеться, и от увиденного у каждого из них по спине пробежал холодок.

Обеденный зал, огромный и сводчатый, оказался буквально забит искусством. Картины висели везде: не только на стенах, но и стояли рядами на тяжелых резных мольбертах, громоздились стопками у плинтусов и даже свисали с балкона второго уровня. Здесь их были сотни.

Полотна самых разных размеров — от крошечных пейзажей в потрепанных рамах до гигантских полотен во всю стену.

Но это была не классическая живопись, успокаивающая глаз.

В тусклом, дрожащем свете свечей картины казались живыми сгустками боли и тревоги. Вот огромное полотно изображало темный лес, подозрительно похожий на тот, через который они только что пробирались, но деревья на нем словно тянули свои сучья к зрителю. Рядом висел портрет плачущего ребенка, написанный в таких грязных, тяжелых тонах, что казалось, будто с холста сейчас закапает настоящая слеза. Лица людей на портретах были смазаны или искажены немым криком, а пейзажи тонули в багровых закатах, похожих на зарево пожара.

От обилия этих взглядов, устремленных сотен рам на замерзших у входа ребят, воздух в зале стал буквально физически плотным. Пахло сухим грунтом, скипидаром, старым холстом и чем-то неуловимо металлическим, тяжелым — будто в комнате пролили много ржавой воды.

— Наконец-то, — голос Виктора Вейла прозвучал тихо, но эхом отразился от каменных сводов потолка, заставив Софи испуганно вздрогнуть. Художник медленно направился к ним, ступая бесшумно, словно хищник. — Буря за окном просто великолепна, правда же? Она пробуждает воображение. Вы вовремя, дорогие мои. Дом уже начал скучать по новым лицам.

Макс сглотнул вязкую слюну, делая нерешительный шаг вперед, чтобы загородить собой Алису. Он попытался взять на себя роль лидера компании, хотя голос его слегка дрожал:

— Спасибо за гостеприимство, мистер Вейл. Мы... мы попали в аварию на размытой дороге, наша машина безнадежно увязла в грязи. Нам нужно только переждать эту ночь под крышей, а утром мы вызовем службу спасения и сразу же уедем...

Виктор мягко, но жутко непреклонно перебил его, качнув головой. Он взмахнул тонкой кистью, которую всё еще зажимал между пальцами, словно дирижерскую палочку, указывая на ряды картин вокруг них.

— О, забудьте о дороге, молодой человек, — с жутковатой усмешкой произнес художник. — Сегодня ночью отсюда нет никакой дороги назад. Куда вы спешите? Посмотрите вокруг. Мои картины... они ведь не просто краски на холсте. Они живые свидетели времени. Они дышат, чувствуют, запоминают каждого, кто переступает этот порог. И поверьте, они очень хотят с вами познакомиться.

От этих слов по плечам Лео пробегла крупная дрожь. Он отступил на шаг назад, чувствуя, как одна из ближайших картин — огромный темный портрет пожилой женщины с пустыми глазницами — будто бы едва заметно меняет наклон в темноте. Дэвид попытался сгладить нарастающее напряжение, выдавив из себя напускную, нервную ухмылку:

— Что ж... от горячего ужина и крыши над головой мы точно отказываться не будем. Спасибо за приют, мистер Вейл.

Художник лишь лукаво прищурился, кивнул Арчибальду, и дворецкий тут же бесшумно выдвинул тяжелые стулья из-за стола, приглашая гостей занять свои места среди этого безмолвного, жуткого парада глаз и красок.

Арчибальд бесшумно выдвинул тяжелые резные стулья из темного дерева, приглашая гостей к столу. Ошеломленные долгой дорогой, пронзительным холодом и давящей, свинцовой атмосферой огромного зала, ребята молча заняли свои места. Макс и Алиса сели рядом, плечом к плечу; напротив них устроились Дэвид и Софи, а Лео предпочел занять крайнее, обособленное место на другом конце стола, ближе к мерцающему пламени камина.

Пока дворецкий молниеносно и безупречно разливал по бокалам густое, непрозрачное темно-красное вино, Виктор Вейл неторопливо опустился во главе стола. Он аккуратно положил тонкую кисть на серебряную салфетницу, сложил длинные пальцы домиком перед лицом и обвел молодых людей теплым, почти отеческим взглядом. Никакой наигранной зловещести — его манеры были безупречно изысканными, а в глазах читался живой, неподдельный интерес, какой ученый проявляет к редким, необычным образцам под микроскопом.

— Ну же, не стесняйтесь, прошу вас, — мягко улыбнулся Виктор, заметив, как напряженно ребята смотрят на тарелки с едой. — Путь из города сегодня выдался долгим, изнурительным и полным неожиданностей. Еда, к счастью, абсолютно свежая и вовсе не отравленная, уверяю вас на слово. Арчибальд превосходен в кулинарии, хотя его истинное и главное призвание в этом мире — хранить безупречный порядок в старых стенах.

Дэвид нервно хохотнул, первым поднимая свой бокал с вином, явно пытаясь хоть как-то разрядить наэлектризованную атмосферу:

— Что ж... за гостеприимство посреди глуши. Мы уж грешным делом думали, что придется ночевать прямо в фургоне, под аккомпанемент падающих веток и воя ветра.

— О, глушь — понятие весьма относительное, мистер... простите, к сожалению, не расслышал вашего имени в суматохе, — вежливо склонил голову художник, не сводя с Дэвида глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.